

УДК 821-32(470.344).09"1900/1950"

**О СВОЕОБРАЗИИ РАЗВИТИЯ МАЛЫХ ФОРМ ПРОЗЫ
В ЧУВАШСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ**

**ON THE PECULIARITY OF DEVELOPMENT OF MINOR PROSE
IN CHUVASH LITERATURE**

Н. Н. Осипов

N. N. Osipov

*ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный педагогический
университет им. И. Я. Яковлева», г. Чебоксары*

Аннотация. В статье в общих чертах рассматриваются некоторые особенности развития малых жанров прозы чувашских писателей первой половины XX века.

Abstract. The article generally considers some of the features of development of minor prose of the Chuvash writers of the first half of XX century.

Ключевые слова: *малая проза, рассказ, новелла, очерк, композиция произведения, образ.*

Keywords: *minor prose, story, novella, essay, composition of a work, image.*

Актуальность исследуемой проблемы. Отсутствие жизненного и творческого опыта чувашских писателей не позволяет многим авторам в должной степени выявить художественный мир литературных произведений. Это наблюдается во многих очерках и рассказах 20–30-х гг. XX века. Спорные вопросы и замечания, высказанные критикой того времени в адрес начинающих авторов, были правомерны: глубокие проблемы идейно-философского характера требуют оригинальности форм художественного воплощения. Здесь уже недостаточно просто домысливать коллизии, взятые из эмпирической реальности, и тем самым квалифицировать их как художественное явление. Необходимы осознанная разработка проблем художественного характера, напряженный поиск новых идей и путей их реализации в разных жанрах.

Материал и методика исследований. В качестве материала исследования использовались малые прозаические жанры (рассказ, новелла, очерк, зарисовки) чувашских писателей первой половины XX века. В методологии работы сочетаются принципы сравнительно-типологического и историко-функционального анализа текста художественных произведений.

Результаты исследований и их обсуждение. Творчество писателей развивается параллельно с формированием и становлением их мировоззрения и методологии, в дальнейшем оно приобретает определенную системность. В основном все писатели крупных и средних жанров когда-то начинают с малых форм. К примеру, отметим сборники рассказов «Тетки» (1931), «Мои друзья» (1941), «Фронтвые ребята» (1943), «Маленькие парти-

заны» (1944), «Люди доброй воли» (1954), «Счастье человека» (1959) Леонида Агакова, цикл рассказов «В плену чувств» (1937) Мишши Ктра, рассказы «Прорыв» (1931), «Песня любви», «Сестра» (1931) Кузьмы Пайраша и «Открытые ворота», «Пожар» (1927) Виктора Рзая. Несомненно, исследование некоторых значимых вопросов поэтики рассказов дает возможность надлежащим образом оценить художественное мастерство писателя, процесс произрастания крупных и средних форм чувашской прозы из малых жанров, особенно из очерков и сатирико-юмористических произведений. Помимо всего прочего писатели осваивали художественные площадки многомерного, многосоставного видения жизни. Сочетание, к слову, сквозной публицистико-документальной поэтики с ее подлинно художественным воплощением фактически давало эффект разноголосового отображения мира. А это являлось, по сути, прямой устремленностью прозы к средним и крупным формам.

Творческие поиски незаслуженно ныне забытого Мишши Ктра примечательны тем, что проблематику «колхозной прозы» он решает на основе соединения отдельных рассказов в циклическое единство. Вместе с этим, безусловно, автор обретает то «состояние» прозы, которое позволяет расценивать каждый фрагмент целого цикла как самостоятельное произведение. В своих рассказах писатель изображает счастье чувашского народа, добытое якобы вместе с другими народами в советскую эпоху, – основная идея многих его рассказов. В основном они раскрывают чувства и порывы молодежи: «Уйӑх ансан» (После захода луны), «Ви=. алӑ» (Три руки), «,= у==и» (Приятное настроение), «+таппан бригадир» (Бригадир Степан), «Элек» (Клевета), «Юлашки йӑран» (Последняя борозда), «Татӑлнӑ .м.т» (Прерванная мечта), «Сис.м» (Чувство), «Туслӑх» (Дружба). Тем не менее, произведения Мишши Ктра – это всего лишь первые попытки цельного восприятия действительности.

В малой прозе 30-х гг. XX века основными героями часто выступают женщины. Судьба советских женщин продолжает интересовать многих новеллистов. В произведениях Л. Агакова, К. Пайраша, Н. Янгаса, М. Трубиной, И. Тукташа, И. Курака, Мишши Ктра показаны лучшие представители женщин, подчеркнуты их нравственные и деловые качества. Если в 20-е гг. писателям было свойственно изображение подвигов героинь, то в довоенное время они стараются раскрывать их душевные качества. Новеллисты продолжают обращаться к образам героических женщин-борцов – носителей высоких идеалов. Так, короткие рассказы Л. Агакова «Артистка», «Смелая девушка» сходны с произведениями И. Тукташа («Белая роза»), К. Пайраша («Сестра»), М. Кибека («Сын лейтенанта»), А. Лазаревой («Вторая встреча», «Первая любовь»), где их главные персонажи – патриотки, которые мужественно переносят личные невзгоды и хранят верность незапятнанной любви. Обаятельны образы офицеров в новелле «Душа солдата» (1943). В нем рассказывается о том, как чистая любовь, дружба и верность придавали нашим воинам сил для борьбы с гитлеровцами. Восхитительна девушка из другой новеллы «А песня все звучала», которая даже под страхом смерти не захотела пресмыкаться перед врагом.

Кратко рассмотрим жанр очерка. Очерковое мировидение тяготеет в основном к стилистике и поэтике малой прозы. Порой оно так и остается нехудожественным, при всем присутствии феномена домысла, на уровне эмпирико-публицистического освещения поставленных проблем. Первые проблески художественности проявляются здесь крайне робко, они оказываются подступом к бытовой идеологической эмпирике. Таковы, например, некоторые произведения Исаева Мэтри, Л. Агакова.

Проза Мишиши Ктра импонирует своей непосредственностью, но и она отмечена примерами анализа как бы незначительных мимолетных видений реальности, больше тяготеет к откровениям повествователя в миниатюрных зарисовках. Этим же похожи в принципе и поиски К. Пайраша: каждый раз писатель отправляется от портретных данных героя, а затем иногда просто иллюстрирует высказанные уже положения. В сущности, и очерки Исаева, Агакова, и зарисовки Ктра – это следствие прямого ощущения короткой образной дистанции, вписанности изображаемого ими мира в обстоятельства конкретного отрезка исторического времени.

Иное дело рассказы В. Рзая. В «Открытых воротах» читатель, например, чувствует трагический оскал тревожной действительности 1918 г. Писатель практически на несколько десятков лет опережает свое время: охватывает широкую панораму исторических реалий, выходящих за пределы 20–30-х гг., за рамки сугубо идеологического отображения быта и бытия героев.

Писатель сделал крупный шаг вперед: он воплотил особого рода образную действительность, где «отображаемое берется не из самой эмпирики “в сыром виде”, а из воплощаемых коллизий». Это был мир, хорошо и внятно выступающий в исканиях его современников (Е. Эллиева, отчасти С. Фомина и других). Такое же качество художественности присуще романтическим рассказам Л. Агакова, А. Артемьева, в которых даны воспоминания фронтовиков о тяготах войны. Безусловно, воспоминания эти есть факт пересоздания на новой основе, с высоты другого времени того, что было пережито. Это уже, собственно говоря, творческое отношение к анализируемым перипетиям судьбы.

Похожее отношение к своему призванию наблюдаем в творчестве Ф. Уяра. В новелле «На реке Сок» он, как и Л. Агаков, показывает жизнь героев, чистую, верную любовь солдата к своей возлюбленной и то, как это чувство помогало ему в тяжелые, страшные и, казалось, безнадежные времена. Уяр создает определенный психологический образ солдата Федора, человека нравственного, верного своим идеалам. Сходство новелл Уяра с короткими рассказами Агакова обнаруживается и в композиции. Оба автора используют традиционный прием «рассказа в рассказе». Так построены, например, новеллы «На реке Сок», «Письмо» Уяра, «Душа солдата», «Старик № 33», «Слово матери» Агакова.

Военные годы вносят в творчество чувашских писателей новые приемы и стили. Отвага приобретает героическую мощь, заметно увеличивается доля лирики и романтики, описываемые события пополняются теплой иронией, светлым оптимизмом. Причины известны: это время, по сравнению с 30-ми гг., совсем другое. «В художественной прозе, – отмечает профессор Г. И. Федоров, – рассказ какого-либо солдата, отважного работника тыла, монолог превращаются как бы в самостоятельного героя» [2, 194]. В основном они о переживаниях, смерти, трудностях тыла, мучениях в плену, – своего рода исповедь, которую произносят герои. Прием исповеди в прозе привлекает в эти годы А. Артемьева, М. Кибека, В. Игнатьева, позже А. Емельянова и др. Однако в таких произведениях уже меньше повествования о препятствиях и трудностях, преодолеваемых героем, их писатели заменяют легким смехом, лирическими чувствами, утонченной исповедальностью стиля. Часто в этом случае мягкая лирическая интонация переплетается с героической романтикой. События тесно связываются между собой, ни одно из них нельзя изъять, если брать их по отдельности, теряется единство всего произведения. Каждое описываемое событие помогает раскрыть основную идею произведения, образы персонажей и их характеры.

Л. Агаков по праву считается одним из первых «писателей-деревенщиков» послевоенного периода. Герои многих его рассказов – сельские труженики, они показаны в непрерывной связи с землей, через отношение к которой раскрывается их внутренний мир. Можно согласиться с высказыванием В. С. Ковского, который пишет, что «исследование взаимодействий человека с природой как будто бы для литературы в целом – задача частная, однако в деревенской прозе это та важнейшая качественная грань ее эстетики, без которой вообще трудно, если не невозможно, представить себе данное художественное явление и его роль в современном литературном процессе» [1, 161]. Можно провести параллель между человеческими образами и их характерами, созданными Л. Агаковым и его современником, представителем удмуртской литературы, Г. Красильниковым. В творчестве обоих писателей речь идет об обыкновенном человеке. Отличие лишь в том, что Г. Красильников в таком человеке находит что-то необычное, порою героическое, а иногда и подленькое, Л. Агаков – что-то реальное, тесную его связь со средой, любовь к жизни, труду и веру в счастливое будущее.

Произведения Л. Агакова неоднозначны. Мир героев его рассказов богаче, их типология шире. Творчество Л. Агакова, А. Артемьева, Х. Уяра, Мишши Ктра и многих других стало весомым вкладом в эволюцию малого жанра в чувашской литературе, который благодаря им приобрел качественно новые черты. В малой прозе данных писателей на первый план выдвигаются не идеолого-эмпирические, а художественно-реалистические образы, целый ряд общечеловеческих и социально-исторических проблем (роль семейной традиции и ее преемственность, связь поколений, нравственно-эстетические идеалы прошлого и их историческая изменчивость, специфика и своеобразие народной жизни и национального характера и т. д.).

Резюме. К середине XX в. чувашская малая проза освоила принцип углубленного постижения действительности, характеризуется обращением к актуальным проблемам дня, злободневным темам, обновлением художественно-изобразительных средств. Произведения малой прозы – это не только вспомогательный материал и каркас будущих повестей и романов, но и самостоятельное эстетическое явление. Многие искания прозаиков в области проблематики и поэтики рассказов получили дальнейшее развитие в повестях и романах. Подтверждением тому служит эстетическая система чувашских писателей, которая по сложности, содержательной глубине и самобытности стала замечательным явлением в истории чувашской и российской литературы. Это хорошо подтверждает и опыт таких мастеров, как М. Кибек, С. Аслан, Г. Краснов, А. Савельев и других.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ковский, К. Е. Литературный процесс 60–70-х годов / К. Е. Ковский. – М. : Наука, 1983. – 335 с.
2. Федоров, Г. И. Гротескное единство трагизма и драматизированного комизма художественных ситуаций и судеб героев в чувашской литературе XX в. / Г. И. Федоров // Ашмаринские чтения : материалы Всерос. науч. конф. – Чебоксары : Изд-во Чуваш. ун-та, 2008. – 516 с.